

Андрей Затонов

Тим

Андрей Затонов

Тим

Лида молчала. Стало как-то непривычно после всех этих дней безостановочных вопросов и капризов. Она тихо лежала, зарывшись в нескольких тряпках, найденных в подвале школы, и смотрела в потолок. В глазах, где еще пытался мерцать детский огонек, было совершенно пусто, и от этого становилось еще холоднее. Не знаю, что сейчас творилось в её голове, но, скорее всего, она осознала реальность. Мы обречены.

- Воды хочу, - еле слышно простонала девочка. Наверное, она единственная из нашей компании, кто еще имел силы говорить четко, без хрипоты, сохраняя в своем голосе девичью нежность.

Я промолчал. Просьба Лиды была невыполнима. Она знала, что воды нет. Девочка просто пыталась разговорить меня, заставить ответить ей. Даже если это невозможно.

Честно, я хотел заговорить. Хотел сказать ей, что вода вот-вот будет, что сейчас вернутся Шкляр и Виктор Сергеевич, принесут пару рваных книжек, каких-нибудь деревяшек, спичек и разведут костер. Потом мы вместе согреемся, растопим снег, которого возле двери подвала черпай - не хочу, и выпьем, хоть и грязную, но все же воду. Шкляр, как обычно, усядется возле Лидочки, своей любимой и теперь единственной сестренки, и расскажет ей сказку, и не одну. Мы все вместе ляжем спать, кроме Виктора Сергеевича, который первый будет дежурить.

Но я промолчал. Потому что было очень холодно. Шкляр и Виктор Сергеевич ушли два дня назад и, скорее всего, не вернутся. Никто не расскажет сказку, никто не разведет костер. Будет так же холодно и мерзко. Не будет воды. И я просто так внушу надежду маленькому существу, которому осталось жить несколько часов, как и мне. Пускай уж лучше она поймет, что чудес не бывает.

- Тим... Тимур...

Я открыл было рот, но выдавить из себя простой звук так и не смог. Мое тело уже не подчинялось сознанию. Конечности отвердели и не отзывались элементарным приказам. Скорее всего, я уже был замороженным трупом, в котором почему-то еще билось сердце.

- Тимур...мы ведь умрем ...да?

Нет, глупышка. Мы не умрем. Просто то пакостное существо, внутри которого находится наша душа, перестанет совершать свои бессмысленные поступки. Оно просто упадет, перестанет двигаться, дышать. Зато наше сознание освободится от этого плена и уйдет в свободный полет, чтобы не чувствовать ни холод, ни боль. Оно освободится.

Я попытался встать, но не смог. Конечности еле двигались, напоминая, что я все-таки еще не мертвец. Ценой невероятных усилий встав на четвереньки, я из последних сил проковылял в сторону Лиды и лег прямо возле неё, последним движением прижавшись к ней.

Пускай. Пускай я не скажу ей ни одного слова. Пускай я не внушу ей, что все удастся изменить.

Я этого просто не смогу.

Зато я отдам ей последнее, что у меня есть. Отдам, чтобы уйти самому от этого паршивого холода и подарить ей надежду на чудо.

Отдам теплоту. Теплоту сердца.

- Тимка... - еле простонала она.
Я попытался улыбнуться. Обняв девочку, я закрыл глаза.

Дверь подвала с хрустом открылась. Маленькое по размерам помещение озарилось тусклым светом. Ветер, подвываявший снаружи, ворвался в подвал, пронося кристаллики снега над ржавым скелетом матраса, старыми вешалками, стоявшими штабелями ближе к стенке, и дошел до конца комнаты.

Двое мужчин в военной форме осторожно вошли в помещение, освещая пространство фонариками. Тяжело дыша сквозь респираторы и держа наготове автоматы, они не дошли и до середины подвала, как их опередил ворвавшийся без какой - либо предосторожности маленький худой подросток в старой шубенке и ботах. Споткнувшись о лежащий на полу матрас, он устремился прямо к старым батареям в углу помещения. Там, около ржавых железяк с остатками облезшей краски, лежал шерстяной комок, из которого выглядывали маленькие ножки девочки.

- Лида!

Шкляр подбежал и на мгновение остановился. Окутавший сестренку черно-белый комок был его верным другом, которому он поручил охранять Лиду. Старый пес с человеческим именем - Тимур.

